

Михаил ЦАРЕВ:

«Главное — чтобы из жизни...»

Вчера театральная общественность отметила 80-летие народного артиста СССР, лауреата Государственных премий, Героя Социалистического Труда М. И. Царева. Юбилейная дата — всегда повод к воспоминаниям о пройденном пути, выборе жизненного предназначения. Как складывалась личность художника, формировались его пристрастия и вкусы? Именно с этого началась беседа с выдающимся мастером сцены.

— Желание стать актером я испытал рано, однако решение созрело далеко не сразу. Конечно, интересовался театром, любил декламировать наизусть любимые стихи и отрывки прозы, с успехом выступал на гимназических вечерах. Учителя поощряли мои первые опыты. Но столь же легко давалась мне, например, математика, сложные алгебраические задачи решал иногда раньше всех в классе. Родители надеялись, что я выберу профессию отца, займусь медициной.

Основным же, главным увлечением были у меня книги. Грамотой овладел задолго до поступления в гимназию. Помогла старшая сестра, учительница железнодорожной школы в Ревеле

(ныне Таллин), где жила наша семья. Евгения Ивановна играла на любительской сцене, часто брала меня с собой на репетиции, спектакли. Помню, с какой гордостью носил я за ней картонки с платьями и шляпой. А самый первый спектакль, увиденный мной в восьмилетнем возрасте, был, представьте себе, «Дети Ванюшина», — улыбнулся Михаил Иванович.

Наш разговор происходил после генеральной репетиции «Детей Ванюшина» в Малом театре. Царев готовил в нем главную роль.

— Сестра играла Клавдию. Разумеется, я немногое понял тогда в пьесе, но до слез жалел старика Ванюшина, после представления все не мог успокоиться, долго и горько рыдал... Впрочем, об этом после.

Круг чтения определился у меня сразу и навсегда. И получилось так, что любимые писатели, поэты сопровождали меня всю мою творческую жизнь. Как чтец и актер получил счастливую возможность выразить и передать людям свое преклонение перед ними.

Всегда с детства рядом с нами светлый образ Пушкина. Можно представить, с каким волнением я готовился к премьере пьесы К. Паустовского «Наш современник», рассказывающей о великом поэте! Признаться, опасаясь появления на сцене исторических лиц, боюсь фальши, надуманности, ложного пафоса, которые подчас сопровождают их изображение. Как правило, избегал подобных ролей, но отказаться от Пушкина было бы выше моих сил.

Большая проблема в таких случаях — портретное сходство. В Малый театр пригласили тогда знаменитого художника-грамера А. Анджа, работавшего с Н. Черкасовым в «Депутате Балтики», с Б. Бабочкиным в «Чапаеве». Он сделал сложный пластический грим, в точности повторяющий пушкинские черты. Но перед самой премьерой было решено все это снять, оставив мне только курчавый парик и бакенбарды. Я понял, что буквально копирование внешности, требуя огромных усилий, уведет меня от главной задачи — воссоздать духовный мир поэта. И, если это удастся, зритель поверит исполнителю, увидит того Пушкина, который живет в его душе. Мне как раз и хотелось дать в лучшем смысле слова «хрестоматийный», собирательный портрет человека, признанного и любимого народом. Но при всем этом показать его «во плоти», в психологически верных подробностях натуры. Судя по отзывам, работа получилась удачной.

Одно из дорогих воспоминаний — встречи с Александром Блоком. Он, говоря современным языком, заведовал литературной частью Большого Драматического театра в Петрограде, где я начинал свой актерский путь. Молодежь того времени — а я не составлял исключения — находилась под обаянием стихов поэта, самой его личности. У всех на устах были «Двенад-

цать», «Скифы»... Нас привлекали его гражданская честность, отношение к революции.

Блок был уже болен, в театре появлялся нечасто. После каждой встречи с ним оставалось ощущение какой-то редкостной душевной тонкости. Мне виделось в его облике нечто чеховское. Смерть Блока я переживал как большое личное горе, ходил провожать его на Пряжку...

Вместе с Пушкиным и Блоком вошли в мое сознание, чтобы остаться навсегда, Лермонтов и Некрасов, Тютчев, Есенин, Маяковский. Очень многое в жизни связано с Львом Толстым. В молодости играл на сцене Васильевостровского театра в «Отце Сергии». В годы войны Малый театр ставил инсценировку глав из «Войны и мира» под названием «Отечественная война 1812». У меня была роль Андрея Болконского. Позднее возник мой Федя Протасов. Читал с эстрады многие страницы толстовских романов, рад, что смог продолжить эту работу на радио.

— Менялись ли со временем ваши литературные привязанности?

— Пожалуй, они постоянны. Другое дело — с течением лет начинаешь по-новому видеть хорошо знакомые произведения, обращать внимание на то, что прежде проходило незамеченным. Привлекают иные проблемы, коллизии, персонажи. Скажем, в «Войне и мире» сегодня — Наташа и Андрей, а завтра — уже Пьер Безухов или Платон Каратаев. Так бывает и в общении с музыкой, живописью. Однажды затронет душу «Явление Христа народу», пройдет время, и вас остановит левитановский грустный пейзаж. Много раз видел портрет Еремольевой кисти Серова и оставался спокоен, а как-то взглянул — и уже не мог двинуться с места. Всегда отыщешь новизну вокруг, если меняешься сам. В реакции человека на произведение искусства имеет значение и возраст, и жизненный опыт, и настроение в данную минуту, и все, что происходит вокруг — в личном и историческом плане. Здесь, по моему, самый верный путь и к пониманию классики, к ее сценическому воплощению. Причем восприятие индивидуальное имеет очень много общего с общественным. В какие-то периоды поднимается всеобщий интерес к одним произведениям и авторам, другие приходят своим чередом в свою пору.

Вспоминая юность, должен сказать, что, кроме литературы, большое значение приобрела в моей жизни музыка. Учеником петроградской школы русской драмы познакомился с композитором А. К. Глазуновым, несколько лет жил в его семье. Помню, репетировал однажды опереточную роль, и Александр Константинович аккомпанировал мне на рояле. Вместе с ним ходил на симфонические концерты, в оперу. Неизгладимое впечатление оставил Шаляпин в «Псковитянке»... Не пропускал я ни одного выступления выдающего-

ся пианиста В. Софроницкого. В доме Глазуновых часто появлялся молодой человек, почти мальчик, говорили, что он необычайно талантливый музыкант. Звали его Дмитрием Шостаковичем...

Все, что окружало меня в те годы, воспитывало вкус к высокому искусству. Тут сказывались, конечно, и уроки моего непосредственного наставника, незабвенного Юрия Михайловича Юрьева. Под его руководством я сделал первые шаги на профессиональной сцене.

— Всегда ли исполняемый вами репертуар полностью отвечал вашим творческим и личным духовным запросам, потребностям?

— Что касается концертной деятельности, то здесь я всегда мог выбрать то, что было близко моим наклонностям и вкусам. В театре же актер находится в ином, более зависимом положении. Но могу сказать: почти всегда я находил в ролях творческое удовлетворение. Исключения составляют лишь несколько эпизодов ранней молодости. После первых сезонов БДТ, отдававший вначале предпочтение прекрасным образцам мировой классики, увлекся пьесами немецких экспрессионистов — Г. Кайзера, Э. Толлера, весьма популярных тогда. Участие в подобных спектаклях не доставляло мне радости, а ближайшие перспективы перемен не сулили. И это послужило причиной моего ухода из этого театра.

Классика оставалась моей глубочайшей привязанностью. А советская драматургия в те годы еще только зарождалась. И если появлялись более или менее зрелые пьесы на современную тему, я охотно и с интересом брался за них, невзирая даже на определенный схематизм ролевого материала. В бывшем Александринском театре играл молодого писателя из пьесы Щеглова «Радость», человека, искренне желающего приобщиться к новой жизни, труду. Подобно своему герою, ездил на Путиловский завод, чтобы точнее передать чувства сценического персонажа...

А позже сколько радости приносили мне современные герои — Гарри Смит из пьесы К. Симонова, Огнев, Батура и Ромодан, созданные А. Корнейчуком. С Александром Евдокимовичем связывала меня долготелая творческая и человеческая дружба.

— В последние годы отмечается растущий интерес театров к инсценированию прозы. Нередко говорят о том, что она вытесняет с подмостков оригинальную драматургию, порой высказывают тревогу по этому поводу...

— По моему, противопоставление здесь надуманное. Конфликта между драматургией и прозой я не вижу. Естественно, публикация талантливой повести или романа сразу привлекает внимание театра. Явление это далеко не новое, оно наблюдалось еще в прошлом веке и в начале нынешнего, когда на сцену пришли, скажем, «Обрыв» и «Братья Карамазовы». Достоевский, никогда не писавший пьес, инсценирован едва ли не полностью. О плодотворности союза театра и литературы, драматургии и прозы убедительно говорят примеры Чехова, Толстого, Горького, многих советских писателей. И мне кажется, знакомство зрителя с крупными явлениями литературы входит в обязанность и задачу театрального искусства.

В Малом театре идут сейчас спектакли по книгам Г. Маркова, Ю. Бондарева, М. Алексеева, Д. Гранина, и это существенно обогащает нашу афишу. Мы надеемся на продолжение сотрудничества, верим, что сумеем привлечь этих авторов к созданию новых, оригинальных пьес. Подчеркну — это лишь одно из направлений наших репертуарных исканий. Театр по-прежнему рассчитывает на драматургов — от старшего по-

коления до начинающей молодежи, с которой мы ведем постоянную работу. Но здесь, скажу откровенно, нередко сталкиваемся с односторонностью мышления, мелкотемьем, неумением или нежеланием взглянуть на жизнь объемно и широко, с объективных позиций. А время наше требует иного подхода. Сцена ждет крупных характеров, способных увлечь силой духа, красотой созидательного действия. И в конце концов не так уж важно — шагнут они на сцену со страниц прозы или будут героями оригинальных пьес. Главное — чтобы из жизни...

— Расскажите, пожалуйста, о своей работе в цикле телевизионных фильмов «Эрмитаж».

— Предложение прочитать кадровый текст меня не смутило, казалось бы, дело предстояло не из трудных. Однако простота его обманчива. Я высоко ценю дикторскую работу и знаю, что даже «Последние известия» звучат по-разному, в зависимости от того, кто находится перед микрофоном. В талантливом исполнении оживает самый сухой материал. Не каждая из двадцати пяти серий «Эрмитажа» сопровождалась равноценным комментарием. Знакомясь с текстами, я старался узнать больше, чем в них сказано, обращался к книгам по истории искусства, чтобы обрести и выразить свое видение, отношение ко всему, что показано на экране. Труд оказался интересным и полезным. Как никогда прежде, я смог изучить сокровища Эрмитажа, пройти по залам без спешки и суеты, обычных при посещении многолюдных и богатых музеев. И, наконец, я — отчасти ленинградец — сумел сделать кое-что для славы дорогого мне города.

— Вы встречаете свой юбилей пьесой, которая была вашим первым театральным впечатлением...

— «Дети Ванюшина» — вещь достаточно известная в русском репертуаре. В молодости мне приходилось играть сына главного героя — Алешу в спектакле режиссера Н. Синельникова, затем в довоенной постановке Малого театра. В 1927 году в Казани, где я служил тогда, видел на главной улице особняк, в котором жила до революции купеческая семья, выведенная в пьесе С. Найденова. В городе еще помнили того, кто послужил прообразом самого Ванюшина.

Несколько лет назад возникла идея поставить пьесу на телевидении с актерами Малого театра. После премьеры мы получили множество писем. Как видно, пьеса взволновала людей, ее проблемы затронули за живое. Многие высказывали желание видеть наш спектакль на сцене.

Иногда сравнивают сюжет «Детей Ванюшина» с «Королем Лиром», находят какие-то переклички с пьесой Г. Гауптмана «Перед заходом солнца». Хорошо зная все эти произведения, не возмущусь проводить подобные параллели. Сюжетное сходство, без сомнения, есть. Объединяющее начало — драматический конфликт отца со своими детьми. Но ни с Шекспиром, ни с Гауптманом Найденова при всем желании рядом не поставишь. Совершенно другой уровень мироощущения, другой философский и социальный масштаб. И все же, наверное, не зря «Ванюшины» столь высоко оценил в свое время Чехов, так горячо принимала русская публика. Тема семейных отношений, проблема воспитания — даже в локальном звучании — сохраняет актуальность и остроту до сих пор. А если взглянуть шире — пьеса говорит о необходимости понимания между людьми. Это так нужно в жизни. Без этого нет и искусства, театрального во всяком случае. Ведь оно создается взаимодействием понимающих друг друга, хотя и разных людей. Мне близка эта простая и важная мысль.

Беседу вел

Андрей ВОЛЧАННИК